

Годъ 16-й.

Кн. LXII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1260/1

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1904, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ф. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1904.

Къ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря.

Въ наиболѣе полномъ видѣ пѣсня объ осадѣ и взятіи Соловецкаго монастыря сохранилась въ пересказѣ, записанномъ мною отъ пѣвицы родомъ съ сѣвернаго берега Бѣлаго моря, А. М. Брюковой (см. Бѣломорскія былины, № 40). Между прочимъ этотъ пересказъ содержитъ указаніе на то, какъ былъ взятъ монастырь:

Захотѣлъ-то вѣдь Деревята
 Въ святомъ озерѣ купаться,
 По веревкамъ черезъ стѣну-ту опускаться.
 Еще палъ этотъ грѣшникъ
 Онъ на сыру-ту землю;
 Онъ сломилъ свою праву руку,
 Извихнулъ свою лѣву ногу.
 Тутъ пришелъ къ нему воевода:
 «Ты скажи-на намъ суццу правду:
 Еще порохомъ-то ли доволенъ монастырь,
 Еще пушками-то доволенъ ли,
 Еще крѣпостью-то крѣпокъ ли
 Да людьми-то вѣдь онъ люденъ ли?»
 Говорить-то тутъ Деревята:
 — Онъ вѣдь крѣпостью-ту крѣпокъ,
 Онъ людьми только не люденъ.
 Посадите ѣ вы зайдите
 Дровянымъ-то въ стѣну окошкомъ.—

(Здѣсь пѣвица объяснила, что въ стѣнѣ было окошко, заложенное дровами).

Какъ зашелъ-то воевода,
 Разказалъ какъ Деревята.

На эту подробность, передаваемую въ пересказѣ Брюковой и отсутствующую во всѣхъ пересказахъ, обратилъ вниманіе проф. В. Θ. Миллеръ въ своей статьѣ объ историческихъ пѣсняхъ изъ Сибири ¹⁾: «Исторически извѣстно, что осаждавшимъ помогла измѣна монаха Теофиста, указавшаго имъ тайный проходъ въ монастырь. Повидимому, и это обстоятельство въ измѣненномъ видѣ упомята замѣчательная пѣсня Брюковой». Конечно, пѣсня здѣсь воспоминаетъ тотъ фактъ, что Мещеринову удалось взять монастырь съ помощью перебѣжчика, монаха Теофиста, который указалъ стрѣльцамъ отверстіе въ стѣнѣ, слегка заложенное камнями. Нужно сказать, что объ этомъ знала также одна старуха, крестьянка Зимняго берега Бѣлаго моря, владѣлица старинной записи пѣсни; она рассказывала, что московское войско взяло монастырь только

¹⁾ Извѣстія Отдѣленія русскаго из. и словесн. И. Акад. Наукъ 1904 г. т. IX, кн. 1, стр. 47.

потому, что одинъ монахъ показалъ потайной ходъ («Вѣлом. был.» стр. 472, прим. 3). Но почему же въ пересказѣ Крюковой вмѣсто монаха (Теофиста) измѣнникомъ оказывается какой-то «Деревяга»? Сама пѣвица понимала это слово въ качествѣ имени нарицательнаго и объяснила, что это былъ «мужикъ деревенскій». Но слово «деревяга, деревяжка» не имѣетъ вовсе такого значенія; на основаніи пѣсеннаго текста можно только понять, что таково было прозвище измѣнника. Можно даже думать, что ассоціація представленій «деревяга» и «деревенскій», «дерево» повліяло на то, что вмѣсто камней въ пѣснь стало фигурировать «дровяное окошко». Такимъ образомъ, вмѣсто Теофиста, въ пѣснь является Деревяга. Замѣтимъ еще, что самая измѣна описывается несогласно съ исторіей. Пѣсня говоритъ, что Деревяга сталъ спускаться со стѣны по веревкѣ подъ предлогомъ куданья въ озерѣ; но такой предлогъ былъ бы совершенно невѣроятнымъ ¹⁾, потому что взятіе монастыря происходило 22 января, въ сильную мятежь и бурю, а измѣна Теофиста совершилась незадолго до этого, послѣ неудачной попытки взять приступомъ монастырь 23 декабря.

Изъ всего этого видно, что въ пѣснь преданіе объ измѣнѣ Теофиста соединено съ другимъ преданіемъ изъ времени осады монастыря, рассказывавшимъ о какомъ-то Деревягѣ, который, желая купаться, сталъ спускаться по веревкамъ со стѣны, но упалъ, расшибся и попалъ въ руки воеводы. О такомъ событіи мы ничего не знаемъ по историческимъ источникамъ, но есть нѣкоторые основанія предполагать, не сохранилась ли въ эпизодѣ о Деревягѣ память о «воровскомъ казацѣ Панфилѣ Деревягинѣ», который вмѣстѣ съ другими «Астраханскими воровскими казаками» упоминается въ одной челобитной грамотѣ 1670 года ²⁾? Можно думать, что послѣ 1671 года, когда астраханцы покорились московскому воеводѣ и казакамъ въ Астрахани нечего было дѣлать, многие изъ нихъ отправились на сѣверъ и примкнули къ недовольнымъ соловечкимъ монахамъ. Известно, что большая часть монастырской рати состояла изъ «воровъ», которые сильно безчинствовали, вызывая противъ себя неудовольствія со стороны самихъ монаховъ. Незадолго до взятія монастыря, въ 1674 г. они чуть было совсѣмъ не отказались защищать монастырь и даже положили ружья на стѣну. Вотъ каковы были защитники монастыря; весьма вѣроятно, что среди нихъ находился и «воровской казакъ Панфило Деревягинъ».